На правах рукописи

003056547

Калинина Ольга Николаевна

ФОРМИРОВАНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ НОМЕНКЛАТУРЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1946–1964 гг.

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Новосибирск
2007

Работа выполнена в секторе истории социально-культурного развития Института истории СО РАН.

Научный руководитель	доктор исторических наук, профессор Красильников Сергей Александрович
Официальные оппоненты	доктор исторических наук, профессор Быстренко Валентина Ивановна
	кандидат исторических наук, доцент Коновалов Александр Борисович
Ведущая организация	Новосибирский государственный университет

Защита состоится 16 апреля 2007 г. в 15.00 час. на заседании диссертационного совета Д 003.030.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук по специальности 07.00.02. – Отечественная история в Институте истории СО РАН по адресу: 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8. Конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться на сайте и в библиотеке Института истории СО РАН.

Автореферат разослан « 13 марта » 2007 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета
д.и.н. И.М. Савицкий

Общая характеристика работы

Актуальность исследования. Значение управленческого аппарата в функционировании государственности предопределяет значительный интерес историков, политологов и публицистов к феномену советской номенклатуры. Утвердившаяся в Советской России (СССР) политическая система отличалась от предшествующих исключительной узурпацией государственных полномочий структурами Коммунистической партии, что привело к сращиванию управленческих структур и появлению феномена «партия–государство». В связи с этим представляется целесообразным обращение к теме формирования и эволюции партийно-государственной номенклатуры, прошедшей в исследуемый период несколько стадий трансформации.

Исторические аспекты трансформации отечественных управленческих элит разных уровней в советских условиях актуальны в сравнительно-историческом аспекте при анализе современной ситуации, когда государственные институты выступают системообразующими факторами в развитии политических партий и движений России. Изучаемый в диссертации период отечественной истории примечателен как время окончательного утверждения того типа отечественной номенклатуры, который в последующем воспроизводился и эволюционировал; как фаза предпринятых «сверху» реформ, в ходе которых шли поиски и устанавливались соотношения объемов полномочий и функций в рамках систем «Центр – периферия», «партийные – советские – ведомственные органы».

В последние годы понимание значительной роли регионов в обеспечении устойчивого государственного развития стало стимулировать обращение исследователей к истории территориального управления. Изучение состава и условий деятельности региональной (краевой, областной) и местной (городской, районной) партийно-государственной номенклатуры имеет принципиальное значение для понимания механизма управления на местном и региональном уровнях, способствует выявлению закономерностей и особенностей развития политической системы и властных отношений в СССР в середине 1940-х – первой половине 1960-х гг.

Степень изученности проблемы. В изучении номенклатуры сложилось несколько направлений: зарубежные исследования, историко-партийная историография (середина 1940-х – начало 1990-х гг.), современные отечественные исследования. В силу ряда причин номенклатура как реальный носитель власти в советском обществе первоначально стала объектом исследования за рубежом. В 1930-е гг. идея о возникновении нового класса – советской бюрократии – появилась почти одновременно в работах Н.А. Бердяева и Л.Д. Троцкого[1]. Сторонники Л.Д. Троцкого развили далее первые систематические концепции, описывающие Советский Союз как общество, подчиненное бюрократическому, господствующему классу нового типа. Автор вышедшей в канун Второй мировой войны книги «Бюрократизация мира» Б. Рицци доказывал, что советская бюрократия, в отличие от прежних классов, владеет средствами производства и извлекает прибыль коллективно, посредством государства, и считал, что эта новая социальная система победила не только в СССР, но всюду, где доминировали идеи государственного контроля и планирования[2]. Д. Бернхем отстаивал концепцию, согласно которой в России произошла революция менеджеров, на смену капиталистическому обществу пришло новое общество управляющих и сформировалась своеобразная система классовой эксплуатации на основе государственной экономики[3].

В дальнейшем югославский марксист-эмигрант М. Джилас оформил свои концептуальные поиски в теорию «нового класса» – политической бюрократии, обладавшей монополией на управление и контроль над государственной собственностью, дававшей ей особые привилегии и материальные преимущества. Бюрократия некоммунистических государств являлась всего лишь чиновниками в современной экономике, в отличие от

---

[1] **Бердяев Н.А.** Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990; **Троцкий Л.** Преданная революция. М., 1991.

[2] **Дойчер И.** Адски темная ночь // Иностр. литература. 1989. № 3. С. 213.

[3] **Burnham J.** The Managerial Revolution. What is Happening in the World. N. Y., 1941.

коммунистической бюрократии, не имевшей над собой ни собственников, ни политического контроля[4].

М.С. Восленский, идейный последователь М. Джиласа, впервые ввел в научный оборот и дал определение понятию «номенклатура». Используя марксистскую методологию, он опроверг советскую концепцию бесклассового общества, указывая на существовавший в стране классовый антагонизм между паразитирующим господствующим классом – номенклатурой и остальными гражданами. По его мнению, с самого начала правящий класс разделился на два типа управленцев – ленинскую гвардию и сталинскую номенклатуру, где в борьбе за власть победу одержала номенклатура[5].

В основном же советская номенклатура изучалась зарубежными исследователями с позиций концепции тоталитаризма. Особое внимание уделялось антидемократичным механизмам формирования советской элиты, из-за чего, по их мнению, продвижение в нее оказывалось практически невозможным без протекционизма и покровительства «сверху» (Дж. Уилертон, Дж Смит)[6].

Отдельное направление в советологии связано с изучением роли региональных лидеров в процессе принятия политических решений. «Региональное» направление западной историографии положено известной книгой М. Фейнсода о Смоленске[7]. Р. Блэкуэлл проанализировал карьерный рост первых секретарей обкома, используя общедоступные биографические материалы[8]. Исследователи акцентировали внимание на клиентельных отношениях, клановом характере группировок политических лидеров[9]. Так, Дж. Хоуф указал на важную роль

---

[4] **Джилас М.** Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 196.

[5] **Восленский М.С.** Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991.

[6] См., напр.: **Elites** and political power in the USSR. Edited by D. Lane. Birmingham, 1988.

[7] **Fainsod M.** Smolensk under Soviet Rule. Cambridge, MA, 1958; **Фейнсод М.** Смоленск под властью Советов. Смоленск, 1995.

[8] **Blackwell R.** Career development in the Soviet obkom elite: a conservative trend // Soviet studies. 1972. № 1.

[9] **Hodnett G.** Leadership in the soviet national republics. Oakville Ontario, 1978; **Miller J.** Putting clients in place: The role of patronage in

регионального фактора в формировании экономической политики[10]. Особое внимание западные исследователи уделяют изучению методов управления регионами со стороны Центра и функционированию системы номенклатуры[11]. Тенденцией последнего времени можно считать интерес к феноменам советской бюрократии, клиентелизма на основе системы «Центр – регионы» в советский период[12].

В отечественной советской историографии данная проблема изучалась в основном в контексте «кадровой политики» партии и отдельных аспектов функционирования государственного аппарата и деятельности советов. Работы базировались на опубликованных нормативно-правовых и законодательных актах и носили реферативно-компилятивный и тенденциозный характер. В середине 1960-х – первой половине 1980-х гг. появляются отдельные попытки реализации новых теоретико-методологических подходов в изучении кадровой политики, активно изучается опыт взаимодействия партийных и советских органов различных регионов страны[13]. Исследователями был осуществлен весьма значительный анализ архивных материалов по регионам страны. Но во многих работах этого периода без должной критичности оценивались как результаты деятельности партийных органов, так и построение их взаимоотношений с советскими органами власти, а конкретный анализ довольно часто подменялся комментированием многочисленных документов КПСС.

---

cooption into the soviet leadership // Political leadership in the Soviet Union // Edited by A. Brown. Oxford. 1989. P. 54–69.

[10] **Hough J.** The Soviet Prefects: The Local Party Organs in Industrial Decision-making. Harvard University Press, 1969.

[11] **Harris J.R.** The Great Urals Regionalism and the Evolution Soviet Sistem. Ithaca, N. Y., 1999.

[12] **Boterbloem K.** Life and Death under Stalin. Kalinin Province, 1945–1953. Montreal, L., 1999; **Lewin M.** Russia/USSR/Russia. N. Y., 1995; **Fairbanks Charles H. Jr.** Clientelism and the Roots of Post-Soviet Disorder // Transcaucausia, Nationalism and Soviet Change / R.G. Suny, ed. Ann Arbor, 1996.

[13] **Цикулин В.А.** История государственных учреждений СССР. 1936–1965. М., 1966; **Архипова Т.Г.** Государственный аппарат РСФСР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). М., 1981.

В «перестроечные» годы либерализация социально-политической жизни общества повлекла поиски ответа на вопрос о сущности власти в СССР. Исследователи, опираясь на концепции Л.Д. Троцкого, М. Джиласа и М.С. Восленского, все активнее стали изучать причины и характер складывания номенклатуры, системы номенклатурного отбора и расстановки кадров в государственно-партийном аппарате.

Постсоветский период характеризуется структурной трансформацией интересов исследователей к изучению феномена номенклатуры. Значительная часть опубликованных в эти годы работ – ретроспективные историко-политологические исследования. В них выделяются несколько крупных проблемных блоков вопросов: теоретико-методологические проблемы, причины и факторы становления, эволюции и последующего распада номенклатурной системы, проблема ее периодизации, властные отношение и иерархия власти в СССР. Наметилась и стала все более отчетливой тенденция к изучению номенклатуры по «властной» вертикали: союзной (федеральной), региональной и местной. Сложился довольно широкий круг исследователей, изучающих региональный и местный сегменты политической власти[14].

Из конкретно-исторических исследований следует выделить работы Ю.С. Аксенова, А.А. Данилова, А.В. Пыжикова, Ю.Н. Жукова, Р.Г. Пихои. В них в контексте общих проблем политической истории изучались реальные механизмы власти в СССР и деятельность высшего руководства страны в 1930–1950-е гг.[15]. А.В. Сушков впервые на конкретно-историческом

---

[14] См., напр.: **Афанасьев М.Н.** Изменение в механизме функционирования правящих элит // ПОЛИС. 1994. № 6; **Бадовский Д.В., Шутов А.Ю.** Региональные элиты в постсоветской Росси: особенности политического участия // Кентавр. 1995. № 6; **Шубкин Н.В.** Властвующие элиты Сибири // Социологический журнал. 1995. № 1; **Гаман О.В.** Региональные элиты в постсоветской России // Российская Федерация. 1995. № 10.

[15] **Аксенов Ю.С.** Апогей сталинизма: послевоенная пирамида власти // Вопр. истории КПСС. 1990. № 11; **Данилов А.А., Пыжиков А.В.** Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. М., 2001; **Жуков Ю.Н.** Борьба за власть в руководстве СССР // Вопр. истории 1995. № 1; **Пихоя Р.Г.** О внутриполитической борьбе

материале показал структуру и персональный состава, деятельность Президиума ЦК КПСС в 1957–1964 гг.[16]

Работы значительной части историков сосредоточены на процессе становления номенклатуры. Так, О.Г. Кирякова исследовала формирование и эволюцию большевистской политической элиты в период ее подпольного функционирования[17]. Генезис и эволюция номенклатуры, процессы подбора и расстановки кадров через номенклатурные механизмы исследовались В.П. Пашиным и Ю.П. Свириденко[18]. Вклад в изучение номенклатуры на ранних стадиях советской государственности внес Е.Г. Гимпельсон[19]. А.А. Колдушко проанализировала региональную партийную номенклатуру Пермской и Свердловской областей в 1937–1938 гг., осветив форму и механизмы подготовки репрессии против региональной номенклатуры, влияние «чисток» на ее структуру и кадровый состав[20].

В.П. Мохов рассматривает деятельность региональной политической элиты в 1950–1990-х гг. в контексте концепции модернизации и набирающих силу процессов регионализации. В соответствии с ними он выделяет социальные и профессиональные параметры управленцев, основные черты системы управления, стадии эволюции региональной элиты[21]. В канди-

---

в советском руководстве 1945–1958 гг. // Новая и новейшая история. 1995. № 6.

[16] **Сушков А.В.** Структура и персональный состав Президиума ЦК КПСС в 1957–1964 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2003. С. 14.

[17] **Кирякова О.Г.** Большевистская элита на пути становления: формирование и эволюция (1903–1917): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2004.

[18] **Пашин В.П., Свириденко Ю.П.** Кадры коммунистической номенклатуры: методы подбора и воспроизводства. М., 1998. С. 113.

[19] **Гимпельсон Е.Г.** Формирование советской политической системы. М., 1995; **Он же.** Советские управленцы. М., 2001.

[20] **Колдушко А.А.** Кадровая революция партийной номенклатуры на Урале в 1936–1938 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2006.

[21] **Мохов В.П.** Эволюция региональной политической элиты России (1950–1990 гг.). Пермь, 1998; **Он же.** Элитизм и история. Проблемы изучения советских региональных элит. Пермь, 2000; **Он же.**

датской диссертации С.Я. Бондаренко изучается провинциальное чиновничество послевоенного периода: механизм комплектования чиновничьего аппарата, его материальное обеспечение и социально-профессиональный облик[22].

В сибирской историографии обстоятельное исследование внутриполитической жизни большевистской партии, численности, уровня квалификации, материального обеспечения номенклатуры в 1920-е гг. провел Г.Л. Олех[23]. Ключевые вопросы взаимоотношений региональной и центральной властей в 1917–1930 гг. анализируются в концептуально значимой работе В.И. Шишкина[24]. Роль местного управления в контексте общей проблемы становления механизма сталинской власти рассматривала И.В. Павлова[25]. М.Ю. Паско большое внимание уделил процессу становления и развития номенклатуры в Сибирском крае второй половины 1920-х гг., особенно эволюции системы номенклатурного учета, ее численному и социальному составу[26].

Топология политического пространства. Пермь, 2002; **Он же.** Региональная политическая элита России (1945–1991). Пермь, 2003.

[22] **Бондаренко С.Я.** Провинциальное чиновничество Европейского Севера России в 1940-х – начале 1950-х годов (на материалах Архангельской и Вологодской областей): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Вологда, 2004.

[23] **Олех Г.Л.** Партийная машина РКП(б) в начале 20-х гг.: устройство и функционирование. Новосибирск, 1995. С. 99.

[24] **Шишкин В.И.** Москва – Сибирь: история взаимоотношений (1917–1930 гг.) // История Сибири: человек, общество, государство. Новосибирск, 1995.

[25] **Павлова И.В.** Сталинизм: становление механизма власти. Новосибирск, 1993; **Она же.** Механизм власти и строительство сталинского социализма. Новосибирск, 2001.

[26] **Паско М.Ю.** Номенклатура Сибирского краевого комитета РКП(б)–ВКП во второй половине 1920-х годов: численность и состав // Сибирь в XVII–XX веках: проблемы политической и социальной истории. Бахрушинские чтения 1999–2000 гг. Новосибирск, 2002. С. 120–131.

Работа А.И. Портнягина посвящена исследованию сельской номенклатуры Западной Сибири 1965–1970-х гг.[27] И.А. Чуднов, исследуя роль региональной партийной номенклатуры в послевоенном индустриальном развитии Западной Сибири, делает вывод о негативном характере партийного управления предприятиями[28]. Кадровая политика в регионах и проблема реформирования органов местного управления в период хрущевских преобразований в Западной Сибири изучались О.А. Смолкиным[29].

А.Б. Коновалов провел обстоятельное и многоплановое исследование механизмов комплектования, функционирования кадров партноменклатуры Кузбасса, ее численности и состава, материально-бытового обеспечения в послевоенный период и др.[30] Им же на большом конкретно-историческом материале исследованы функционирование региональной партийной номенклатуры Сибири, роль и влияние партийных сибирских лидеров на состояние дел в регионе, их взаимоотношения с центральными органами власти[31].

Проведенный историографический анализ свидетельствует о необходимости восполнения имеющихся пробелов в изучении отечественной номенклатуры путем конкретно-исторического исследования ее региональных и местных групп, в т. ч.

---

[27] **Портнягин А.И.** Сельская партийно-советская и хозяйственная номенклатура в 1965–1970 годах (на материалах Западной Сибири): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1994.

[28] **Чуднов И.А.** Общественно-политические факторы развития промышленности Западной Сибири в первые послевоенные годы (1946–1950 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1993. С. 21.

[29] **Смолкин О.А.** Реформирование местных органов власти и управления в 1953–1964 годах (на материалах Кемеровской, Новосибирской, Томской областей): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1997.

[30] **Коновалов А.Б.** История Кемеровской области в биографиях партийных руководителей (1943–1991). Кемерово, 2004; **Он же.** Партийная номенклатура Кузбасса в годы «послевоенного сталинизма» и «оттепели». Кемерово, 2006.

[31] **Коновалов А.Б.** Партийная номенклатура Сибири в системе региональной власти (1945–1991). Кемерово, 2006.

механизмов контроля и управления номенклатурой, ее материально-бытового обеспечения, корпоративных ценностей.

Объектом исследования выступает региональная (краевая, областная) и местная (городская, районная) партийно-советская номенклатура как носитель и субъект управленческих процессов в Западной Сибири. Местные номенклатурные группы (секретари первичных парторганизаций, председатели и секретари сельских (поселковых) советов) в работе не рассматриваются, поскольку это тема специального исследования.

Предметом исследования является историческая реконструкция институционального положения, статусных профессиональных, социокультурных характеристик партийно-советской номенклатуры в структуре власти регионального и местного уровней Западно-Сибирского региона в 1946–1964 гг.

Цель исследования состоит в конкретно-историческом анализе закономерностей, тенденций и механизмов функционирования номенклатурных кадров партийного и советского аппаратов Западной Сибири 1946–1964 гг.

Задачи исследования заключаются в изучении положения региональной и местной номенклатуры в советской политической системе, функционирования механизмов корпоративного контроля, управления деятельностью и поведением номенклатурных групп, выявлении динамики основных источников и форм пополнения номенклатуры, реконструкции сферы материально-бытового обеспечения, численности, половозрастного состава, образовательного уровня, партийного стажа, социального положения.

Территориальные рамки исследования охватывают Алтайский край, Новосибирскую, Кемеровскую, Омскую и Томскую области. Тюменская обл. по ряду обстоятельств (пограничное территориальное образование между Уральским и Сибирским регионами, нахождение в различные периоды в составе обоих региональных образований, наличие специфики в виде крупных национальных округов) в работе не рассматривалась.

Хронологические рамки исследования (1946–1964 гг.) охватывают временной период, включающий два этапа социально-политического и экономического развития СССР:

«поздний сталинизм» (1946 – начало 1950-х гг.) и «оттепель» (середина 1950-х – 1964 гг.). Он характеризуется процессами трансформации, имевшими принципиальное значение для функционирования системы управления и положения номенклатуры в ней.

Методологическую основу составляют общенаучные и специальные исторические принципы и подходы. Принципы *системного подхода* позволяют представить общество в виде сложной иерархической системы, где номенклатура является элементом социальной структуры советского общества, его подсистемой, состоящей из разных должностных групп. Неотъемлемой частью данного подхода является структурно-функциональный анализ, применение которого позволяет уточнить внутреннюю структуру изучаемых должностных групп номенклатуры, механизм функционирования института политической власти и системы контроля и управления номенклатурными кадрами. Изучение номенклатуры как консолидированной общности требует также учета механизмов меж- и внутрисистемного взаимодействия, анализа связи и взаимоотношений региональной и местной номенклатуры с Центром, управленцев разных номенклатурных и должностных групп и различных категорий местного населения.

Важнейшим методологическим принципом данного исследования является принцип историзма, предполагающий рассмотрение любого явления или процесса в развитии и взаимообусловленности с конкретно-историческими условиями. Исследование базируется на *позиционном подходе* при определении номенклатуры как политической элиты, где главным критерием является наличие властных функций и решающее влияние на принятие решений оказывают те, кто занимает наиболее высокие иерархические уровни в формальных институтах государственной власти. Региональная и местная номенклатура в данном случае определяются как политическая субэлита.

Используются положения концепции модернизации, позволяющей исследовать границы возможностей и потенциал государства и номенклатуры, выполнявшей управленческие функции для осуществления структурных политических, экономических и социальных изменений. Методика исследования

включает такие общенаучные методы, как индукция и дедукция, анализ и синтез, описание и измерение, аналогия, экстраполяция и др. Применяются специальные методы исторического исследования. Историко-сравнительный метод позволяет вскрыть сущность анализируемых явлений по сходству и различию свойств между номенклатурными группами: уровня материально-бытового обеспечения, социального, половозрастного состава. Историко-генетический метод способствует выявлению причинно-следственных связей, закономерностей развития номенклатуры как социального и политического института.

В ходе исследования проанализирован широкий и разнообразный комплекс письменных документальных и нарративных источников. Основу **источниковой базы** диссертации составили документы, извлеченные из 22 фондов трех федеральных и шести региональных архивов: Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Центра хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК), Центра документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО), Центра документации новейшей истории Омской области (ЦДНИ ОО), Государственного архива Омской области (ГАОО), Государственного архива Томской области (ГАТО), Государственного архива Новосибирской области (ГАНО). Для реализации целей исследования анализировались следующие группы документальных источников:

– документы высших партийных, советских органов, в которые входят законодательно-нормативные и распорядительные (Конституции и законодательные акты, указы, постановления, распоряжения и проекты постановлений Совета министров СССР и РСФСР, ЦК ВКП(б)–КПСС и материалы ним, назначения и освобождения от должностей и т. д.), протокольно-резолютивные (протоколы и стенограммы пленумов ЦК ВКП(б)–КПСС, протоколы и материалы заседаний Политбюро, Президиума, Оргбюро и Секретариата ЦК) материалы. Привлекались законодательные и распорядительные документы КПСС, публиковавшиеся в специальной партийной периодике («Известия ЦК ВКП(б) (КПСС)», «Партийное строитель-

ство», «Партийная жизнь») и в сводных официальных изданиях («Справочник партийного работника», «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК»), а также в специальном издании «Собрание постановлений и распоряжений Правительства СССР», материалы выборных органов публиковались также в издании «Съезды Советов Союза СССР, союзных и автономных советских социалистических республик». Из вышедших за последние годы опубликованных законодательных и распорядительных документов следует выделить сборники документов из серии «Документы советской истории»[32]. В них содержатся ранее не доступные документы по многим аспектам исследуемой темы: взаимоотношениям Центра и регионов, контролю над деятельностью региональных партийных комитетов, порядку назначения кадров, их подготовке, снабжению, материалам проверок и инспекций на местах деятельности партийных руководителей, кампаний против региональных партийных секретарей и т. д.;

– документы контрольных органов (КПК при ЦК ВКП(б)–КПСС, МГК–КСК СССР), включающие протокольно-справочные материалы, докладные записки уполномоченных КПК, отчеты, справки и статистические отчеты Министерства государственного контроля (МГК) СССР и РСФСР, а также письма, заключения Управления по проверке партийных организаций, поступавшие в Оргбюро и Секретариат ЦК;

– организационно-распорядительная документация региональных и местных партийных и советских органов (стенограммы и протоколы конференций, пленумов, бюро и секретариатов, справки и информации работников парташпаратов, ведомости о начислении заработной платы, анкеты делегатов партийных и советских конференций, пленумов и т. д.);

– статистические отчеты отделов кадров региональных партийных и советских органов, сводные статистические от-

---

[32] **Сталинское** Политбюро в 30-е годы. Сб. документов. М., 1995; **Советское** руководство: Переписка. 1928–1941. М., 1999; **Политбюро** ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. М., 2002; **Советская** жизнь. 1945–1953. М., 2003; **Советская** повседневность и массовое сознание. 1939–1945. М., 2003; **ЦК ВКП(б)** и региональные партийные комитеты. 1945–1953. М., 2004.

четы, отчеты и справки о сменяемости, составе, укомплектованности работниками, расстановке специалистов со средним специальным и высшим образованием. Формы статистических отчетов, а также подходы к их составлению неоднократно претерпевали изменения, менялся объем информации и количество заложенных в отчетах показателей, что существенно затрудняет их обобщение;

– персонально-ориентированные источники (личные и персональные дела). Личные дела номенклатурных работников являются важными историческими источниками, дающими возможность выявления характеристик номенклатуры (социальное положение, возраст, образование, этапы должностной карьеры, политические и моральные качества). Однако на данный момент использование личных дел ограничено существующими правилами доступа к ним. Персональные дела – массовый источник, специфический вид документов КПСС, образовавшихся и отложившихся в архивах в процессе деятельности партии и ее организаций. Используя метод выборки (каждое 10-е дело), было отобрано 229 дел работников, подвергшихся партпроверке в 1946–1956 г., хранящихся в фонде КПК в РГАНИ, на основе которых создана база данных. Персональные дела фиксируют формы и методы «фильтрации» номенклатуры. Это дает возможность исследовать механизм работы карательной системы, идеологическое обоснование тех или иных «чисток». По структуре персональные дела схожи с личными, в них содержатся биографическая информация, сведения об основных этапах карьеры работника и т. д. Но, в отличие от персонального, личное дело заводилось на работника отделом кадров по месту работу, в нем фиксировались все сведения с момента его поступления на работу;

– информационно-справочные материалы, биографические словари и энциклопедии.

Нарративные источники включают воспоминания, мемуары, частную переписку:

– воспоминания и мемуары содержат ценнейшие сведения о неформальных отношениях, взглядах, настроениях и об общей линии поведения отдельных лиц и даже целых групп. По отношению к опубликованным воспоминаниям необходимо учитывать влияние редакторской правки и цензуры, тенденци-

озности, особенно по отношению к мемуарам, выпущенным в советское время;

– при определении личностных характеристик, а также политических представлений номенклатуры важным источником информации выступает частная и служебная переписка чиновников разного уровня. В ней содержится информация о взаимоотношениях в номенклатурной среде, механизме принятия решений по разным вопросам;

– особенность партийно-советской периодики заключается в том, что она является многоплановым комплексным источником, содержащим документальные и нарративные источники. При ее использовании учитывалась зависимость содержания материалов прессы тех лет от политических установок, цензурного контроля, а также такие ее свойства, как конъюнктурность, сознательное или невольное искажение истины.

При работе с источниками учитывалась специфика каждой из выделенных групп документов, применялась их научная критика с точки зрения выявления особенностей происхождения, полноты и достоверности содержащейся в них информации. Выявленные и проанализированные в работе источники создают необходимые и достаточные условия для реализации сформулированных исследовательских целей и задач.

Практическая значимость работы обусловливается необходимостью изучения исторического опыта деятельности и функционирования партийного и советского аппаратов в регионах, что важно для практики современной государственной службы. Материалы и выводы диссертации могут быть использованы в обобщающих трудах по истории государственного и муниципального управления в Сибири, при подготовке учебных пособий, лекционных и специальных курсов.

Научная новизна. Настоящая работа является первым специальным исследованием структуры, компетенции и деятельности партийно-советской номенклатуры Западной Сибири в 1946–1964 гг. На основе осуществленного оригинального историко-статистического исследования выявлены тенденции эволюции социального облика региональной и местной номенклатуры, получены новые знания о способах ее контроля и управления, уровне материального обеспечения. Разработана

авторская типология номенклатуры по признакам профессиональных карьер и политической культуры.

Основные положения, выносимые на защиту:

– деятельность и поведение региональной и местной номенклатуры подвергалась многоуровневому контролю «сверху»; его формы и методы менялись в соответствии с трансформационными процессами советской политической системы;

– с отказом в годы «оттепели» от массовых репрессий контроль над номенклатурой приобретает более либеральный характер при сохранении базовых принципов «фильтрации» ее состава;

– в исследуемый период продолжился процесс внутренней социальной стратификации номенклатуры по должностному (между центральной, региональной и местной) и отраслевому (между партийной, советской, ведомственной) признакам; дифференциации материально-бытового положения номенклатуры как следствия статусного расслоения;

– в исследуемый период партийно-советская номенклатура претерпела существенные изменения в своем социально-профессиональном облике, которые выразились в повышении ее образовательного уровня, ускорении ротационных процессов, сокращении в ее составе сталинских выдвиженцев 1930-х гг. (их место заняли выдвиженцы-практики военного и послевоенного времени).

– завершилась смена основных критериев отбора (с идеолого-политических на профессиональные) в номенклатуру, происходит постепенная трансформация сталинского типа управленца-исполнителя в технократа-управленца времен «оттепели».

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения двух глав, заключения, списка использованных источников и литературы, списка сокращений и приложений из 67 таблиц.

Основное содержание

Во введении обосновывается актуальность, характеризуется степень изученности темы, определяются цели и задачи исследования, территориальные и хронологические рамки рабо-

ты, ее научная новизна и практическое значение, дается историография и обзор основных источников.

Первая глава «Формирование и регулирование состава» включает 4 параграфа. В первом параграфе «Региональная номенклатура в системе властных отношений» анализируются проблемы идентификации региональной номенклатуры, особенности трансформации политической власти, выявляется роль региональных лидеров в системе политической власти, характер взаимодействия партийных и советских органов.

В первые послевоенные годы одной из наиболее значимых тенденций, оказывавшей влияние на положение региональных властей в системе политической власти, являлось стремление политической элиты страны упрочить свой контроль над региональными и местными, в первую очередь над усилившимися в военные годы партийными органами власти. На это была нацелена реорганизация оргинструкторского отдела ЦК ВКП(б) в Управление по проверке партийных органов (1946 г.). Новый орган должен был инспектировать региональные партийные комитеты, контролировать и проверять выполнение местными партийными органами директив ЦК.

Конкретную реализацию вышеизложенных задач должны были осуществлять обладавшие широкими полномочиями инспекторы ЦК ВКП(б) совместно с работниками соответствующих отделов ЦК. Аналогичная ситуация складывалась и по «советской» линии. Проверка и контроль над работой местных советских органов власти возлагалась на оргинструкторский отдел СНК РСФСР, в компетенцию которого входили проверка по поручению СНК работы советских органов в областях, краях и автономных республиках, контроль над исполнением постановлений и распоряжений СНК СССР и РСФСР местными советскими органам и т. д.

В позднесталинский период региональные власти отстаивали интересы регионов и вели борьбу за распределение материальных и финансовых, а не политических ресурсов. В связи с этим для региональных лидеров принципиальную роль играли наличие и устойчивость деловых и личных связей с чиновниками из Центра – ЦК, правительства, отраслевых министерств и ведомств.

Изменение общественно-политической ситуации в стране после смерти Сталина повлекло реформирование сверхцентрализованной системы государственной власти и управления. Наряду с реформами в сфере экономики с середины 1950-х гг. Н.С. Хрущев стремился проводить линию на умеренную децентрализацию власти за счет усиления позиций местных партийных органов путем рационализации и оптимизации их структуры и деятельности. Реформирование крайне неоднозначно отразилось на институциональном статусе региональных властей, их полномочиях и возможностях. Региональные руководители стали проявлять несогласие со сложившейся практикой принятия отраслевыми министерствами и ведомствами решений о размещении и развитии производств на подведомственных территориях без согласования с ними. Активизируется борьба номенклатуры за свои групповые интересы, выражавшиеся в стремлении региональных партийных лидеров усилить контроль над местными предприятиями, расширив свое влияние в социокультурной и хозяйственной сферах.

Разделение в конце 1962 г. партийных и советских организаций по производственному принципу отрицательно сказалось на статусе региональных лидеров, породив кадровую нестабильность. Снизился уровень их влияния на принятие стратегических решений, обострилась борьба между различными группировками номенклатуры.

Конституционный статус советских органов, предполагавший их практическое руководство экономическим и социальным развитием на местах, в позднесталинский период не соответствовал их реальному функционированию из-за отсутствия необходимого ресурсного обеспечения и организационно-экономического механизма их деятельности. 22 января 1957 г. было принято постановление ЦК КПСС «Об улучшении деятельности Советов депутатов трудящихся и усилении их связей с массами», направленное на повышение роли советов в системе местных органов власти. Согласно ему, региональные и местные партийные органы должны были выработать меры по улучшению деятельности советских органов управления, перестав вмешиваться в их деятельность. Однако и в дальнейшем взаимоотношения между партийными и советскими органами власти кардинально не изменились.

Во втором параграфе «Кадровое обеспечение» изучены порядок и принципы комплектования регионального и местного партийно-советского аппарата, способы и процедуры рекрутирования номенклатуры. Система кадрового обеспечения послевоенного периода характеризуется значительным усилением контроля партийных органов, особенно ЦК ВКП(б), формируется как более упорядоченная по сравнению с военным временем система кадрового обеспечения управленческих структур. В процесс формирования номенклатуры вносилась плановость путем создания кадрового резерва, усиливался и становился более формализованным контроль вышестоящих партийных органов над нижестоящими, вводилась системность проверки политических и иных качеств «назначенцев». Сосредоточение функций по подбору региональных руководителей по-прежнему сохранялось в Управлении кадров ЦК ВКП(б).

Восстанавливался ослабленный войной контроль над местными кадрами и со стороны региональных партийных комитетов. Назначение и освобождение работников теперь производилось исключительно на заседаниях бюро, стал более упорядоченным и жестким порядок прохождения кандидатуры на вакантное место. Нижестоящим партийным и советским органам запрещалось назначать и перемещать входящих в номенклатуру обкома ВКП(б) работников без соответствующих санкций бюро регионального партийного комитета. Наряду с созданием резерва на выдвижение на местах формировалась база данных на руководящих и ответственных работников. Осознав невозможность осуществления полного контроля над кадрами на местах, ЦК ВКП(б) в декабре 1948 г. принял решение о реорганизации партаппарата, изменившее действие номенклатурного механизма. Вопросы работы с кадрами переносились из упраздненных отделов ЦК ВКП(б) в соответствующие отраслевые отделы региональных партийных комитетов, которые лучше знали кадровую ситуацию в своей сфере и могли подобрать более компетентные кадры.

Система кадрового обеспечения номенклатуры сохраняла принципиальные основы своего функционирования и в годы «оттепели». Как и ранее, ведущая роль в решении вопросов о подборе и расстановке кадров первых секретарей обкомов

принадлежала отделу партийных органов ЦК КПСС. Сохранялись порядок согласования кандидатур на выборные должности, усиление влияния аппарата ЦК на подбор номенклатуры советского и хозяйственного руководства. Одновременно продолжился начавшийся в конце 1940-х гг. процесс усиления контроля над кадрами со стороны региональных партийных комитетов

В третьем параграфе «Управление и контроль» рассматриваются основные тенденции в развитии системы управления и контроля над управленческими кадрами. В середине 1940-х – начале 1960-х гг. существовала система многоуровневого политического контроля над номенклатурой. Стержневым в этой системе являлся партийный контроль, осуществлявшийся специальным органом – Центральной Контрольной комиссией, далее Комитетом партийного контроля при ЦК КПСС. При региональных и республиканских партийных комитетах функционировали партколлегии при КПК, которые также осуществляли партконтроль на местах и наделялись для этого соответствующими полномочиями.

На контрольные органы возлагалась задача выявления не только «враждебных» режиму, но и не справлявшихся с работой управленцев. Во властные структуры часто попадали лица, стремившиеся использовать в своих интересах служебное положение и возможности, которые давала им власть. Об этом свидетельствует стабильно высокий показатель исключенных из партии за злоупотребление служебным положением и растрату государственных средств, т. е. за экономические преступления. По данным Томской областной партколлегии, в 1947 г. из партии было исключено 27,2 %, в 1963 г. – 29 % работников. Другими наиболее распространенными в коммунистической среде пороками были пьянство и аморальное поведение. Число работников, исключенных из партии Томской партколлегией «за бытовое разложение», значительно увеличилось: с 9,4 % в 1947 г. до 52,5 % в 1963 г.

Динамика персональных дел, рассмотренных Томской партколлегией в послевоенный период, показывает сокращение числа дел (со 191 в 1947 г. до 104 в 1953 г.) при незначительном росте в дальнейшем. Это свидетельствовало о том, что «партийное правосудие» в 1950-е гг. становилось более

либеральным. Тенденция смягчения репрессивных мер в отношении номенклатурных кадров в середине 1950-х гг. выразилась в распространившейся практике замены наказаний по партийной линии на менее суровые.

Однако либерализация контрольной системы не привела к сокращению числа проступков, совершаемых номенклатурой. Так, по данным статистики МГК–КСК, увеличилось число руководящих советских работников, привлеченных к дисциплинарной и судебной ответственности. Если в 1946 г. на руководящих советских работников было наложено 101 взыскание (8,8 %), то в 1960 г. уже 1 296 (15 %).

Традиционной формой партийного контроля являлся и непосредственный контроль со стороны региональных партийных комитетов над кадровым составом управленцев через номенклатурный учет, порядок утверждения чиновника на бюро партийного комитета, когда значительная часть работников снималась с занимаемых постов с формулировками «как не справившийся». Однако такой механизм «фильтрации» имел изъяны и не всегда был эффективен. Помимо специально созданных и налаженных институциональных механизмов контроля и управления номенклатурой существовал негласный, нормативно не оформленный, но безотказно действовавший «внутрикорпоративный» контроль. Чиновник, не соответствовавший стереотипу поведения, сформировавшемуся в номенклатурной среде, не только лишался шансов на успешную карьеру, но и выталкивался самой управленческой средой.

Сложившаяся и действовавшая в середине 1940-х – начале 1960-х гг. система контроля и управления номенклатурой не отличалась высокой эффективностью. Никакие «чистки», директивы, реорганизации контрольных структур и другие мероприятия не могли изменить создавшегося положения, поскольку причина заключалась не только в низком профессиональном уровне отбиравшихся по партийно-политическим признакам управленческих кадров, но в самой бюрократизированной системе управления.

В четвертом параграфе «Социально-бытовое обеспечение: привилегии и льготы» проанализировано материальное положение номенклатуры, основные тенденции в развитии системы номенклатурных льгот и привилегий. В послевоенный пе-

риод основной составляющей денежных доходов номенклатуры оставалась заработная плата. Уровень зарплаты советских работников устанавливался ниже, чем у партийных, а наиболее низкая зарплата была у работников сельских райкомов и райисполкомов. Улучшение денежного содержания компенсировалось дополнительными расходами из бюджета, в т. ч. из расходов на социально-бытовое обеспечение различных номенклатурных групп.

Другой составляющей материального обеспечения номенклатуры являлась сложившаяся ранее нелегитимная система льгот и привилегий, которая дифференцировалась по должностной иерархии. Она включала социально-бытовое обслуживание, спецснабжение продовольственными и промышленными товарами, улучшенное санаторно-курортное лечение и т. д. С отменой карточной системы в 1947 г. дополнительно к официальному окладу управленцев вводились временные денежные довольствия, при этом, однако, отменялись ранее существовавшие льготы для номенклатуры. В результате их введения произошло значительное материальное расслоение между «верхушкой» региональной партийно-советской и остальной номенклатурой. После отмены денежного довольствия в 1957 г. формируются новые льготы и привилегии, закреплявшие социальное расслоение номенклатуры. Так, секретари региональных партийных комитетов не платили за домашний телефон, пользование дачами, имели льготы при оплате квартплаты и т. д.

Жилищная проблема для партийных и советских работников сохраняла свою остроту на протяжении исследуемого периода, ситуация начинает меняться только с середины 1950-х гг. за счет развертывания строительства спецжилья. Для отдыха региональной и местной номенклатуры рекомендовалось преимущественное использование местных курортов и санаториев. Значительной статьей расходов являлось медицинское обслуживание номенклатуры, финансирование создававшихся в региональных центрах спецполиклиник для обслуживания партийно-советского актива.

После ухода на пенсию номенклатурный работник получал персональную пенсию с учетом своих заслуг: союзную, республиканскую или местного значения. В середине 1940-х гг.

максимальный размер персональной пенсии республиканского значения составлял 1 200 руб. в месяц, местного – 600 руб. В последующий период предпринималась попытка установить более справедливое пенсионное обеспечение. Так, с 1958 г. пенсии выплачивались работающим персональным пенсионерам в полном размере только в том случае, если пенсия и получаемый ими заработок в общей сумме не превышали 3 тыс. руб. Увеличилось число персональных пенсионеров, в первую очередь за счет уменьшения возрастного ценза: с 55 лет для мужчин и с 50 – для женщин.

Вторая глава «Социально-профессиональный облик и ценностные характеристики партийно-государственной номенклатуры Западной Сибири» состоит из трех параграфов. В первом параграфе «Социально-профессиональная характеристика» рассмотрены основные критерии отбора в номенклатуру: численность, образовательный уровень, партийный стаж, социальное положение, возрастной состав, половой состав. Партийный и советский аппараты постоянно подвергались реформированию своей организационной структуры, менялось количество должностей подлежащих номенклатурному учету, что напрямую влияло на численность номенклатуры. Для послевоенных лет характерно сокращение численности номенклатуры, как по номенклатуре учитываемой на уровне ЦК, так и региональных, городских и районных партийных комитетов. В 1946 г. на номенклатурном учете ЦК по Алтайскому краю состояло 636 чел., в 1949 г. – 430 чел. Номенклатура Алтайского крайкома (самая значительная по численности за счет Горно-Алтайской автон. обл.) сократилась с 3 142 чел. в 1946 г. до 2 215 чел. в 1949 г., номенклатура райкомов и горкомов с 30 154 чел. до 28 292 чел. Эта тенденция прослеживается и по другим регионам. Так, номенклатура Томского обкома сократилась с 2 974 чел. в 1946 г. до 2 030 чел в 1949 г., Омского – с 2 420 до 2 162 чел., в Новосибирского – с 2 248 до 2 223 чел. соответственно. Однако с первой половины 1950-х гг. численный состав номенклатуры вновь начинает расти, и эта тенденция сохранялась в последующие годы. В 1953 г. численность номенклатуры Алтайского крайкома достигла 4 271 чел., Новосибирского обкома – 2 255 чел., Томского – 2 345 чел., Омского обкома – 2 345 чел. С начала 1960-х гг. численность

номенклатуры вновь подверглась сокращению, о чем можно судить по номенклатуре Алтайского крайкома, где, по данным на 1961 г., номенклатура сократилась до 2 663 чел.

Основной тенденцией в кадровой политике в послевоенный период стало заполнение номенклатурных должностей главным образом за счет демобилизованных из РККА. Выдвиженцы военного времени в первую очередь были практиками, не обладавшими необходимой грамотностью и компетентностью. Сохранялся невысокий образовательный уровень номенклатурных кадров. Даже среди регионального руководства не все имели высшее образование. Так, в 1946 г. высшее образование имели 40 % партийных и советских руководителей Алтайского крайкома, неполное высшее – 40, неполное среднее – 20 % руководителей. Данная картина наблюдалась и в других регионах.

Образовательный уровень номенклатуры всех звеньев управления и должностных групп заметно повышается к середине 1950-х гг. Происходил процесс заполнение регионального звена управления кадрами с высшим и неполным высшим образованием, тогда как городское и районное звенья управления пополнялись работниками с неполным высшим образованием. Образовательный профиль номенклатуры с высшим образованием определялся в основном инженерно-техническими и педагогическими специальностями. Партийное образование, прежде всего высшее становится важным атрибутом, облегчавшим карьерное продвижение, а образовательный ценз превращается в один из ключевых фактор при подборе и расстановке руководящих кадров, способствовавших смене поколений номенклатурных работников и самого типа руководителя-управленца. Процесс комплектования номенклатуры специалистами с высшим образованием завершается ко второй половине 1960-х гг.

Возрастной состав номенклатуры первых послевоенных лет «омолодился», что наиболее рельефно отразилось на новообразованной Томской обл., где управленческий корпус формировался практически с нуля. Основными возрастными группами становятся работники 30–35 лет. Это свидетельствует о том, что многие руководители регионов совершили карьерный рост за достаточно короткий период и подтверждает сущест-

вование мощных ротационных процессов в первые послевоенные годы. Причем в партийной номенклатуре сменяемость работников была более высокой, а ее возраст моложе, чем у советской номенклатуры.

В начале 1950-х гг. происходит замедление ротационных процессов и стабилизация состава номенклатуры. И хотя с середины 1950-х гг. началось активное выдвижение молодых кадров, однако «омоложению» подверглись лишь отдельные группы работников, в первую очередь районного звена управления. Так, возраст партийных и советских руководителей Омской обл. по сравнению с предыдущими годами практически не изменился и составлял 46–50 лет. Приток молодых работников в возрасте 31–35 лет практически во все должностные группы наблюдался в городском звене управления. В районах номенклатура пополнилась работниками моложе 30 лет, но этот процесс не затронул первых секретарей РК и председателей райисполкомов, средний возраст которых составлял 41 год.

Характерной чертой послевоенного времени являлось сохранение в составе номенклатуры значительного числа работников, вступивших в партию в 1917–1930-е гг. Наличие работников с большим партстажем свидетельствует о сохранении жестких требований к партийности при отборе на руководящую должность. С середины 1950-х гг. активно шел процесс замещения работников функционерами с военным и послевоенным партстажем. Из городского и районного звеньев управления практически полностью исчезают работники, вступившие в партию в 1917–1929 гг., сокращается число работников, вступивших в партию в 1930–1934 гг. и 1935–1940 гг. Однако среди руководителей регионального звена управления (секретари обкома, председатель и зам. председателя облисполкома) преобладали выдвиженцы 1930-х гг.

Социальное происхождение являлось одним из главных критериев регулирования состава номенклатуры. Для подтверждения тезиса о народном происхождении власти предпринимались усилия, направленные на увеличение удельного веса выходцев из рабочих и крестьян в ее составе. Хотя искусственным этот процесс назвать нельзя, поскольку в послевоенные годы номенклатурные кадры сохраняли преимущест-

венно крестьянское происхождение. Так, в Новосибирской обл. 69,8 % руководящих работников были выходцами из крестьянских семей. Только с середины 1950-х гг. происходит уменьшение доли крестьянских семей в качестве источника воспроизводства номенклатуры и, соответственно, возрастает число лиц из семей рабочих и служащих.

Численность женщин в составе номенклатурных работников варьировала в зависимости от уровня власти и степени престижности должности. В 1946 г. среди партийных и советских руководителей Алтайского края, Новосибирской, Омской и Томской областей не было ни одной женщины. Среди зав. отделами и секторами крайисполкома и облисполкомов доля женщин в Омской обл. составляла 2,9 %, в Томской – 6,7, в Новосибирской обл. – 9,7, в Алтайском крае – 5,9%. Отсутствовали женщины секретари горкомов и горрайкомов, незначительный процент они составляли и среди председателей гор(рай)исполкомов В последующие годы ситуация с представительством женщин во властных структурах радикально не изменилась.

Во <u>втором параграфе</u> «Профессиональная деятельность: компетентность, стиль и методы работы» исследованы вопросы внутрикорпоративного взаимодействия чиновников, уровень управленческой культуры, организационная сторона процесса управления. В послевоенные годы основным методом руководства оставался порожденный обстановкой «чрезвычайщины» военных лет метод администрирования. В случае неисполнения директив Центра вся ответственность ложилась на региональное руководство, прежде всего на 1-го секретаря партийного комитета. Объем реальных полномочий номенклатуры зависел от статусных показателей того или иного номенклатурного работника в системе политической власти. Вышестоящие партийные и советские органы контролировали деятельность хозяйственных структур, нижестоящих партийных и советских органов, руководящие работники которых были недовольны ограничением своих полномочий. Контроль над исполнением принятых решений оставался также плохо налаженным и до предела бюрократизированным. Определяющим началом здесь выступал принцип тотальных прове-

рок «сверху вниз» и авторитарный стиль руководства в управленческой сфере.

Сложившиеся методы работы постоянно критиковались как в Центре, так и на местах, но некоторые сдвиги начались только в период «оттепели». Однако, несмотря на очевидные симптомы политической либерализации, партийные и советские работники зачастую демонстрировали непонимание произошедших изменений, предпочитая оставаться в рамках апробированного в предшествующие годы стиля управления.

В третьем параграфе «Корпоративные нормы и принципы функционирования номенклатуры» анализируются принципы, правила и нормы поведения номенклатурных работников. В советском обществе существовал весьма ощутимый разрыв между этическим обликом руководящих кадров, закрепленным пропагандой в массовом сознании, и имевшимся в действительности.

В номенклатурном сообществе сформировались и существовали собственные нормы и принципы поведения. Власть давала номенклатуре уверенность в собственной неуязвимости и провоцировала возможные формы девиантного поведения (пьянство, аморальное поведение, злоупотребление служебным положением и т. д.). Несмотря на предпринятые в середине 1940-х гг. и в последующие годы меры по ужесточению подбора кадров с целью улучшения качественного состава руководителей, «болезненные явления» не исчезли, а руководящие работники продолжали совершать аморальные деяния. Это отрицательно сказывалось на внешнем восприятии, образе номенклатуры и авторитете власти в обществе.

Формирование нравственного климата в среде управленческих кадров зависело от целого комплекса факторов. Зачастую причинами многочисленных конфликтов выступали личная неприязнь и психологическая несовместимость отдельных работников, а анонимные письма в вышестоящие инстанции становились распространенным инструментом устранения конкурентов и неугодных работников.

В заключении подведены основные итоги исследования. В сталинской системе политической власти особая роль отводилась региональным партийным комитетам и их лидерам, исполнявшим на своем уровне делегированные «сверху» функ-

ции политического и административного руководства, что превращало их в наместников Центра на местах. Региональное руководство в решающей степени оказывалось зависимым от центральной власти, распределявшей инвестиции и фонды и решавшей карьерные судьбы, но при этом обладало правом кадрового подбора собственного окружения в регионах и на местах. Бюро и секретариаты региональных и местных партийных комитетов в послевоенный период выполняли в системе управлении скорее совещательную, нежели административно-распорядительную функцию. При лоббировании региональных интересов важную, порой определяющую роль играли деловые и личные связи руководства регионов с работниками аппаратов ЦК, советов министров СССР и РСФСР, а также министерствами и ведомствами. На местах функционировал механизм властных отношений, копировавший стиль работы вышестоящих партийно-государственных органов.

Хрущевские реформы, направленные на частичную децентрализацию управления, изменили положение партийно-государственной номенклатуры в системе политической власти, расширив полномочия региональных управленческих структур в решении социально-экономических и кадровых вопросов. Одним из факторов изменений стал менталитет управленцев, стремившихся закрепить свой новый объем властных ресурсов, что способствовало активизации борьбы номенклатуры за свои групповые интересы.

Распределение властных полномочий между партийными и советскими органами в регионах и на местах состояло в том, что партийный аппарат осуществлял политическое руководство над исполкомами советов, которые занимались практической реализацией социально-экономической и культурной политики государства. Этому способствовал и кадровый контроль партийного комитета над руководителями исполкомов местных советов, поскольку назначение и освобождение производилось исключительно с согласия и по решению бюро соответствующего партийного комитета. Основные усилия хрущевской политической элиты, направленные на повышение роли местных советов в социально-экономической и хозяйственной сферах, не имели успеха, поскольку не затрагивали структурных условий доминирования партийного аппарата,

оставляя без изменения основные задачи, функции и прерогативы деятельности партийных и советских органов, сложившиеся в целостную систему в предшествующий период.

Политическая элита страны сохраняла за собой многоканальный контроль над деятельностью номенклатуры. Количество каналов, через которые осуществлялся контроль, был многообразен – от инспекторов ЦК ВКП(б), Комитета (Комиссии) партийного контроля при ЦК ВКП(б)–КПСС (КПК) и Министерства государственного контроля – Комиссии советского контроля (МГК–КСК), до работников Прокуратуры и репрессивных органов. Особая роль в данной области отводилась КПК и МГК–КСК, осуществлявших «правосудие» по партийной и советской линиям, проводя «фильтрацию» управленческих кадров всех уровней и звеньев власти на протяжении их политической карьеры. С середины 1950-х гг. происходит либерализация системы контроля над номенклатурой, что выразилось в смягчении наложения партийных и административных взысканий.

В исследуемый период номенклатура как социально-профессиональная группа и субъект процессов модернизации в регионах и на местах подверглась весьма существенным трансформациям. Они выразились в повышении образовательного уровня, обновлении кадрового состава партийно-государственного аппарата молодыми работниками, при значительном сокращении в сталинских выдвиженцев, место которых заняли выдвиженцы-практики военного и послевоенного времени. Изменения в социально-профессиональном облике номенклатуры отражают не только смену основных критериев отбора (политических на профессиональные) в нее, но и последовательную эволюцию сталинского типа управленца-исполнителя в технократа-управленца времен «оттепели» и стиля управленческой деятельности номенклатуры от административно-командного к технократическому.

В первой половине 1960-х гг. ротация кадров партийно-государственной номенклатуры постепенно замедляется. Происходит стабилизация ее состава, что способствует ее консервации и закреплению статуса и полномочий, стереотипов поведения, замкнутости и закрытости номенклатурной среды.

Приложение содержит 67 таблиц, отражающих социальные характеристики номенклатуры.

Апробация работы и публикации по теме исследования. Основные положения диссертационного исследования изложены в 15 публикаций в виде докладов на двух международных, одной общероссийской и двух региональных конференциях, а также статей в сборниках научных трудов. Автор принимала участие в исследовательском проекте по Гранту Президента РФ по поддержке научных школ: грант № НШ-1134.2003.6 (научная школа акад. Н.Н. Покровского) (2003-2006). По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Статьи в журналах списка Высшей аттестационной комиссии (ВАК)

1. Советская номенклатура некоторые итоги и проблемы исследования // Вестник НГУ. Сер. «История, филология». Новосибирск, 2006. Т. 5. Вып. 1 (доп.): История. С. 63–78.

Статьи и тезисы в сборниках научных работ, международных, всероссийских и региональных научных конференций

2. Образовательный уровень партийно-государственной номенклатуры Новосибирской области в 1953–1964 гг.: Материалы XLI Междунар. науч. студ. конф.: История. Новосибирск, 2001. С. 179–181.

3. КПК при ЦК ВКП(б)–ЦК КПСС в годы «оттепели». Материалы XLII Междунар. науч. студ. конф.: История. Новосибирск, 2002. С. 186–188.

4. Новосибирский обком ВКП(б) (1937–1945 гг.) // Новосибирск: Энциклопедия. Новосибирск, 2003.

5. Новосибирский горком ВКП(б) (1930–1945 гг.) // Новосибирск: Энциклопедия. Новосибирск, 2003.

6. Социально-профессиональный облик партийно-советской номенклатуры Западной Сибири в 1950–1960-е гг. // Проблемы истории местного управления Сибири XVI–XXI вв.: Материалы V Всерос. науч. конф. 26–27 ноября 2003 г. Новосибирск, 2003. С. 140–143.

7. Система контроля и управления над номенклатурой // Гуманитарный ежегодник: Сб. научных трудов аспирантов и соискателей. Новосибирск, 2003. Вып. 4. С. 84–94.

8. Служащие как источник формирования партийно-советской номенклатуры в 1950–1960-е гг. (на материалах Новосибирской области) // Интеллигенция России и Запада в XX–XXI вв.: поиск, выбор и реализация путей общественного развития: Материалы науч. конф. 28–29 мая 2004 г. Екатеринбург, 2004. С. 281–282.

9. Система кадрового обеспечения партийного и советского аппаратов Новосибирской области в 1945–1964 гг. // Государство и личность в истории России: Материалы регион. науч. конф. Новосибирск, 2004. С. 153–161.

10. Персональные дела членов ВКП(б)–КПССС как исторический источник // Гуманитарный ежегодник: Сб. науч. трудов аспирантов и соискателей. Новосибирск, 2004. Вып. 5. С. 171–179.

11. Реформирование местных органов власти и управления и региональная партийно-советская номенклатура в годы «хрущевской оттепели» (1953–1964 гг.) // Государственные реформы М.М. Сперанского в исторической ретроспективе: Материалы регион. науч. конф. 30 сент.–1 окт. 2004 г. Новосибирск, 2004. С. 190–196.

12. Управление Новосибирском в 1930–1937 гг. // История города Новониколаевск – Новосибирск. Исторические очерки. Новосибирск, 2005. С. 131–136.

13. Управление Новосибирском в 1937–1945 гг. // История города Новониколаевск – Новосибирск. Исторические очерки. Новосибирск, 2005. С. 136–144.

14. К характеристике природы и форм проявления морально-этических нарушений партийно-советской номенклатуры (1946–1964) // Гуманитарный ежегодник: Сб. науч. трудов аспирантов и соискателей. Новосибирск, 2005. Вып. 6. С. 121–133.

15. Материально-бытовое обеспечение партийно-государственной номенклатуры Западной Сибири в середине 1940-х – середине 1950-х гг. (на материалах Западной Сибири) // Сибирь: проблемы истории повседневности XVII–XX вв. Бахрушинские чтения 2005 г. Новосибирск, 2005. С. 147–156.

Калинина Ольга Николаевна

ФОРМИРОВАНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ НОМЕНКЛАТУРЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1946–1964 гг.

Автореф. дисс. на соискание учёной степени кандидата исторических наук.
Подписано в печать 06.03.2007. Заказ № 22
Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 1. Тираж 100 экз.
Типография Института катализа им. Г.К. Борескова СО РАН